

УДК 821.161.1-1

DOI 10.17223/19986645/28/11

С.Ю. Суханова, П.А. Цыпилёва

ФУНКЦИИ АНТИЧНОГО ПРЕТЕКСТА В ЛИРИКЕ А. КУШНЕРА

Статья посвящена исследованию роли античного претекста в лирике А. Кушнера. Целью работы является выявление причин включения Античности в художественный мир поэзии А. Кушнера и определение функций античного претекста в его лирике. В художественной концепции мира А. Кушнера жесткие временные границы между прошлым и настоящим отсутствуют, деятели прошлого и современники поэта (в том числе и сам лирический герой) присутствуют в едином для всех эпох художественном пространстве, где существуют одновременно, общаясь между собой посредством поэзии. Концепция повторяемости времен и сходное с римскими стоиками мироощущение А. Кушнера обусловили обращение к Античности и наследию римских авторов. Образ мира поэта обнаруживает корни в философии поздних римских стоиков.

Ключевые слова: А. Кушнер, рецепция, интертекст, античная литература; русская поэзия.

В своей поэзии и эссеистике А. Кушнер осмысляет творчество и жизненный путь широкого круга предшественников – представителей русской, зарубежной и античной литературы: поэт посвящает им эссе, использует их строки в качестве эпиграфов к стихотворениям, включает их имена, цитаты и реминисценции из их текстов в художественный мир своей лирики. «Филологичность А.С. Кушнера – явление внутреннее, свойство его образного мышления, определяющее индивидуальный «ракурс», «угол зрения» на предметы и явления мира» [1].

Как правило, детальному осмыслению в прозе подлежат судьбы и творчество русских поэтов: эссе А. Кушнера посвящены А. Пушкину, Е. Баратынскому, А. Фету, Ф. Тютчеву, И. Анненскому, А. Ахматовой, О. Мандельштаму, Б. Пастернаку, И. Бродскому и др.; их поэтические строки служат эпиграфами к стихотворениям А. Кушнера. Лирические тексты поэта насыщены именами греческих и римских авторов (Гомер, Алкей, Еврипид, Катулл, Овидий, Гораций, Петроний, Вергилий, Плиний, Марциал, Плавт, Тацит, Ювенал). Труды Тацита, Светония, письма Плиния, стихи Катулла А. Кушнер называет своими любимыми книгами [2], в интервью и эссе в связи с размышлениями о трагизме жизни упоминает имена Сенеки и Марка Аврелия [3, 4]. Так, обращение к трудам античных авторов, активное использование аллюзий и реминисценций, связанных с Античностью в лирике А. Кушнера, служат основанием для осмысления причин обращения поэта к Античности.

В критических и научных исследованиях указывается на присутствие в поэзии А. Кушнера античных цитат, аллюзий и реминисценций. Так, О.В. Мирошникова упоминает об античных сюжетах, говоря о широте тематического диапазона [1]; использование античных реминисценций в поэзии А. Кушнера отмечают А. Арьев [5], А. Машевский [6], Л. Дубшан [7], Н.Л. Лейдерман и М.Н. Липовецкий [8] и др. Вместе с тем отсутствуют обоб-

шающие работы, посвященные анализу роли античного наследия в лирике А. Кушнера и выявлению причин обращения поэта к Античности.

Кроме того, диалог А. Кушнера с античными стоиками не становился предметом специального исследования, хотя не раз отмечалось, что мужество, стоицизм, принятие мира являются важнейшим аспектом его художественного сознания. Так, говоря об обращении А. Кушнера к творчеству Пушкина, Т.Л. Рыбальченко определяет смысл их творческого сближения: «В годы мирового признания Бродского и возвращения его поэзии в Россию Кушнер в «Заметках на полях» выделяет ряд имен, с которыми связывает не откровенность отчаяния, а мужество стоицизма, «пушкинский путь» (называя Рублева, Вермеера)...» [9. С. 256–257]. И. Бродский пишет: «Поэтика Кушнера, говоря коротко, поэтика стоицизма, и стоицизм этот тем более убедителен и, я бы добавил, заражающ, что он не результат рационального выбора, но суть выдох или послесловие невероятно напряженной душевной деятельности» [10. С. 6].

Целью работы является выявление причин включения Античности в художественный мир поэзии А. Кушнера и определение функций античного претекста в его лирике.

В концепции А. Кушнера историческое время характеризуется повторяемостью событий: все империи проходят равные этапы развития, вслед за расцветом неизбежно приходит упадок и разрушение (« – Все империи разваливаются, друг мой, – / Говорил я у римских развалин в стране чужой» [11. С. 18]). Взгляд поэта обращен в прошлое, так как дистанция между прошлым и настоящим, а также целостность, завершенность, сформированность Античности и непричастность поэта к описываемой эпохе позволяют максимально полно и объективно анализировать социальные, исторические, политические и культурные явления, которые оказываются идентичны событиям современности. Современность, текучая и изменчивая, осмысливается посредством восприятия завершившей полный цикл развития Античности.

В художественной концепции мира А. Кушнера деятели прошлого выстраиваются в строгой хронологической последовательности («Цезарь, Август, Тиберий, Калигула, Клавдий, Нерон... <...> / Ни порвать, ни разбить, ни местами нельзя поменять» [12. С. 63]), однако жесткие временные границы между прошлым и настоящим отсутствуют, деятели прошлого и современники поэта (в том числе и сам лирический герой) присутствуют в едином для всех эпох художественном пространстве, где существуют одновременно, общаясь между собой посредством поэзии: «Фет стихи посылает Толстому... / Это Пушкину нравится тяга / И случайность в стихах Пастернака, / Это Тютчеву мил Мандельштам» [13. С. 40].

А. Кушнер пишет с оглядкой на своих предшественников, так как и они оценивают его творчество: «Но лгать и впрямь нельзя, и кое-как / Сказать нельзя – на том конце цепочки / Нас не простят укутанный во мрак / Гомер, Алкей, Катулл, Гораций Флакк, / Расслышать нас встающий на носочки» [14. С. 95]. Современность и прошлое существуют в художественной модели мира А. Кушнера одновременно, диалог поэтов прошлого и настоящего непрерывно ведется в едином поле поэтических текстов. Так строится пересечение

времен и рождается единое вертикальное время, в котором все времена окликают друг друга, и средством этой коммуникации оказывается поэзия.

Концепция единообразия всех эпох А. Кушнера имеет сходство со взглядами на историю римских стоиков. Ср.: А. Кушнер: «А воз и ныне там, где он был найден нами. / Что делать? Вылеплен так грубо человек. / Он не меняется с веками, / Хотя и нет уже возов тех и телег <...> Иначе бы мы древних понимали?» [14. С. 66]), «Марциал, унывать нам смысла нету. / Если так у вас было в жестком Риме, / То, поверь, точно так и в Ленинграде» [15. С. 119]; Марк Аврелий: «Кто видел настоящее, тот уже видел все, бывшее в течение вечности <...> Ибо все однородно и единообразно» [16. С. 310], «поэтому и безразлично, будешь ли ты наблюдать человеческую жизнь в течение сорока лет или же десяти тысяч лет. Ибо что увидишь ты нового?» [16. С. 319].

В стихотворении «Хотел бы я поверить в час ночной...» (2008) [13. С. 7] лирический субъект, обладающий сознанием современного человека, представляет модель мира, соответствующую воззрениям римских стоиков. Именно влияние концепции стоиков (а не самостоятельно выработанная философия) подчеркнуто в трижды повторяющихся словах «хотел бы я поверить».

Стоики представляют мир единым целым, лишенным пустоты, состоящим из отдельных, но взаимосвязанных элементов, в нем все логично и упорядочено, подчинено необходимости, строго детерминировано. Марк Аврелий: «Мир или стройный порядок или же смешение и путаница. Но несомненно первое. Или в тебе может существовать известный строй, а во всем должно быть настраение? И это, когда все различено, расчленено и находится в постоянном взаимодействии!» [16. С. 291], «Чаще размышляй о связи всех вещей, находящихся в мире, и об их взаимоотношении. Ибо все они как бы переплетены между собою и поэтому в содружестве друг с другом, следуя друг за другом в определенном порядке. Это объясняется непрерывностью движения, общей согласованностью и единством сущности» [16. С. 310]; «Все сплетено друг с другом, всюду божественная связь, и едва ли найдется что-нибудь чуждое всему остальному. Ибо все объединено общим порядком и служит к украшению одного и того же мира» [16. С. 314].

Мировое пространство представлено как совокупность хаотически расположенных, однако взаимосвязанных элементов, служащих строительным материалом для создания единого целого. И хотя творящим началом и основой мира служит хаос («хаос – заготовка вещества, / Строительный несметный матерьял, / Подручная основа волшебства, / Чудесная возможность всех начал») [13. С. 7], в мире все подчинено высшему разумному закону, а потому логично и упорядочено («Хотел бы я в разумный небосвод / Поверить, в предначертанность орбит») [13. С. 7]. Высший закон – это судьба, фатум, или логос. Логос равен богу, или мировой душе («Хотел бы я поверить, что живет / Душа и там, где наших нет обид» [13. С. 7]), правит миром, в котором все предначертано: «...среди звезд случайной ни одной, / Напрасной ни одной и праздною нет, / ...все они недаром зажжены» [13. С. 7]).

Понятие «логос» впервые встречается в трудах не стоиков, а Гераклита Эфесского. Логос, по Гераклиту, – это закон, всеобщая смысловая связь сущего [17. С. 60]. В дальнейшем именно от Гераклита стоики почерпнули учение о мироправящем логосе, или законе, а также мысль о происхождении ми-

ра из огня и о периодически повторяющемся возвращении мира в огонь [18. С. 336–337].

В стихотворениях А. Кушнера «Венеция» (1998) [19. С. 17], «Я все-таки, представь себе, в Эфес...» (2002) [20. С. 41], «Кто душу назвал пауком? Гераклит» (2006) [21] воспроизводится и интерпретируется философия древнегреческого мыслителя Гераклита. В строке А. Кушнера «Все течет. И при этом горит» [19. С. 18] находят выражение два основных положения философского учения Гераклита – древнегреческого материалиста и диалектика, первое из которых передает Платон в диалоге «Кратил» («все движется и ничто не покоится <...> невозможно дважды войти в ту же самую реку» [18. С. 16]), а второе является исходным пунктом учения Гераклита о космосе: «Этот космос, один и тот же для всего [сущего], не создал никто из богов и никто из людей, но он всегда был, есть и будет вечно живым огнем, мерами загорающимся и мерами потухающим» [17. С. 54].

Гераклиту был присущ пессимизм во взглядах на жизнь, вследствие чего философ, в отличие от «смеющегося» Демокрита, получил прозвище «плачущий» («Он, плачущий философ, из огня / В слезах таскал для нас свои понятия» [20. С. 42]). Гераклит постигал вечную изменчивость в природе и общественной жизни, вечное движение, которое в то же время есть и вечное изменение [18. С. 16–17]. А. Кушнер, вслед за Гераклитом, признает вечную текучесть времени и изменение души: «Проплывшим вдвоем / Этот путь, как прошедшим по краю / Жизни, жизнь предстает не огнем, / Залетевшим во тьму, но водою, / Ослепленной огнями, обид / Нет, – волненьем, счастливой бедою. / Все течет. И при этом горит» [19. С. 18]; «Это город Гераклита / Эфесского, вменившего душе / В обязанность огнем пылать открыто. / Он, плачущий философ, из огня / В слезах таскал для нас свои понятия / И, может быть, в виду имел меня, / Тебя, всех, всех, для нас свои объятья / Горячие раскрыв: огонь течет, / Меняется душа, взрослеют дети, / Гори и ты, как этот небосвод, / Как знойные пылают горы эти» [20. С. 42].

Учение Гераклита, которое состоит в выделении противоположностей из огня и в последующем возвращении всех вещей в огонь, имело сильное влияние на Эмпедокла, Платона, Аристотеля – древнегреческих философов, чьи имена упоминает в своей поэзии А. Кушнер: «А что до теории нашего происхождения, / То самая грубая принадлежит Эмпедоклу...» [11. С. 50], «Ты, душа, энтелехия, как говорил / Не Платон, а строптивый его ученик...» [22. С. 24], а также на поздних римских стоиков (Сенека, Марк Аврелий).

Итак, если логос равен богу, или мировой душе, то мировая душа состоит из множества отдельных душ. Образ души возникает на ранних этапах творчества А. Кушнера. Представление лирического героя о душе восходит к учению античных философов (Гераклит Эфесский, Сократ, Платон, Аристотель, Сенека, Марк Аврелий), полемизируя или соглашаясь с которыми А. Кушнер выстраивает в своей лирике оригинальный образ души.

Античные философы не ставили под сомнение существование души человека и животных. В философском учении Гераклита душа является «разумным и мыслящим», «божественным» разумом, человек становится разумным, втягивая в себя божественный разум. По А. Кушнеру, душа также есть разум, поэтому именно душа дорастает до смысла по мере взросления чело-

века: «Лет двадцать пять должно пройти. / Душа, цепляясь по пути / За все, что высылось и висло, / Цвело и никло, дорости / Сумеет, нехотя, до смысла» [12. С. 29].

Гераклит, говоря о связи души, наделенной разумом, и тела, уподоблял их пауку и паутине: как паук чувствует, что нить повреждена, и бежит туда, где запуталась муха, так и душа человека стремится к месту, где соприкоснулись ее тело и внешний предмет [17. С. 59–60] («Кто душу назвал пауком? Гераклит. / А тело сравнил с паутиной. / За что на нее он так страшно сердит? / И врач-психиатр его мысль подтвердит / Своей саркастической миной» [21]).

Душа по своей природе есть у Гераклита воздух или тонкое и подвижное испарение. Так же у Кушнера душа – легкая субстанция, прозрачная, шарообразная, воздушная: «Душа – таинственный предмет. / И если есть душа, то все же / Она не с крылышками, нет! / Она на колбочку похожа. / Прозрачна так же и чиста / И, как она, шарообразна. / Пар на морозе изо рта / Ее очерчивает ясно» [23. С. 94], «То, что мы зовем душой, / Что, как облако, воздушно / И блестит во тьме ночной / Своенравно, непослушно» [24. С. 5].

Существует еще одна сторона понимания Гераклитом «души» – ее сопоставление с огнем как первоначалом, которая также воплощается в поэзии А. Кушнера. В стихотворении «Душа – таинственный предмет...» [23. С. 94] лирический герой метафорически представляет жизнь души, и это описание восходит к философии Гераклита Эфесского, который, будучи материалистом, выводившим все из огня, пытался возвести душу к ее материальной основе. Поэт представляет жизнь души метафорически как жизнь огня в колбочке: «Сжимаясь ночью от обид, / Она весь день в огне проводит. / В ней вечно что-нибудь кипит, / И булькает, и происходит: / Взрывается и гаснет вновь, / Откладывается на стенки» [23. С. 94]. Однако этот огонь есть эмоции. Так, по Кушнеру, душа – легкая субстанция, жизнь которой идентична жизни огня («кипит», «булькает», «взрывается», «гаснет», «откладывается на стенки»), но не потому, что она умирает и возрождается, как в учении Гераклита, а потому, что ей принадлежат эмоции («И получается любовь, / И боль, и радость, и оттенки» [23. С. 94]). И если, по Гераклиту, душа после смерти сливается со всеобъемлющей живой природой с тем, чтобы вновь из нее родиться, то, по А. Кушнеру, душа бессмертна, хотя приметы бессмертия души «еле-еле видны». В этом он полемизирует с Гераклитом, утверждающим вечный круговорот, смерть и возрождение: «Кто душу назвал пауком? Гераклит. / А тело сравнил с паутиной. / За что на нее он так страшно сердит? / И врач-психиатр его мысль подтвердит / Своей саркастической миной. / Я не поленился и в книге нашел / Скульптурный портрет Гераклита. / Итак, бородат, волосат, полугол, / И взгляд неприятен, пожалуй, тяжел, / И в каменных складках хламида. / А как же душа и скептический взгляд / На эту субстанцию? Явимся в сад / Загробный, поверив в спасенье: / Висит паутина, и нити блестят. / Снует паучок — загляденье!» [21].

Бессмертие – это важное свойство души лирического героя А. Кушнера: («Телефонный звонок и дверной – / Словно ангела два надо мной <...> Разрывают на части меня. / И дерутся, пока я стою, / За бессмертную душу мою») [23. С. 21]. Говоря о бессмертии души, А. Кушнер продолжает философскую традицию Сократа, Платона, Аристотеля, Сенеки. По Платону, бог

образует души по числу неподвижных звезд, каждую из них соотнося с соответствующей звездой. После смерти тела души возвращаются «в обитель соименной звезды» и ведут там блаженную жизнь [17. С. 177–178]: «Хотел бы я поверить в час ночной, / Когда во всех домах погашен свет, / Что среди звезд случайной ни одной, / Напрасной ни одной и праздною нет, / Что все они недаром зажжены, / И даже те, что умерли давно, / Влияют и на судьбы, и на сны, / И в погребке на старое вино» [13. С. 7]; «Как будто в самом деле чья-то / Малоуспешная душа / Переселилась виновато / В них, здесь живущих не спеша. / Об этом что-то у Сократа / Есть. И в лягушку, и в ежа» (2006) [25].

Таким образом, душа бессмертна и разумна, однако ей принадлежит не только разум, душа человека отвечает за мир эмоций. Жизнь души проявляется на теле: краска, приливающая к лицу, улыбка, подкожная судорога – приметы жизни души. По Кушнеру, разум, мысль взаимосвязаны с эмоциями, имеющими телесное выражение (сердцебиение, дыхание, смех, плач, судорога, дрожь, жар, бред – признаки жизни души: «Без этой краски, приливающей / К лицу, без судороги подкожной / Кому нужна душа, без тающей / Улыбки нежной, осторожной? / Мысль, только мысль? Но мысль – и та еще, / Как знать, представится ль возможной? / Ей, мысли, нужно раздражение, / Телесный нужен отголосок. / Она мертва без отношения, / Без жил, прожилок и желёзок. / Ей тоже важно наваждение / Сосновых смол и свежих досок. / Сердцебиение, дыхание, / Мысль дремлет без их учащения. / Среди безвкусного питания / Она так любит угощение / Объемом, запахом, осязанием, / Сучка слепое утолщение. / О, сшибка чувств и мыслей сутолока – / Над смертью легкий мост висячий! / Древесный среди земного сумрака / Глядит во тьму глазок незрячий. / Душа есть смех, есть плач, есть судорога, / Есть вздох, и нет ее иначе» [12. С. 25].

Наделяя душу эмоциональным содержанием, А. Кушнер полемизирует с древними мыслителями: «Душа не то, что нам твердят / В течение двух тысяч лет / О ней. От головы до пят / Вся – дрожь, вся – жар она, вся – бред! / Ее целуют, с нею спят. / Она на пальцах у меня, / На животе, на языке, / И ангелы мне не родня! / И там, где влажного огня / Мне не сдержать, и на щеке» [11. С. 83].

Выше упоминалось, что античные философы не ставили под сомнение существование души человека и животных. Однако, по Кушнеру, душу имеет не только человек, но и материя: «Разрешите мне, Вергилий, добавить, что есть душа / У материи тоже, не только у человека» («Что Вергилий про воду в ведре и про лунный луч...» (2011)) [26], и в этом поэт также полемизирует с античными мыслителями.

Человек неминуемо расстается с душой. Если человек имеет душу, то смерть есть отделение души от тела (как в философии стоиков, так и в поэзии А. Кушнера): «То, что мы зовем душой, / Что, как облако, воздушно / И блеснет во тьме ночной / Своенравно, непослушно <...> То, что мы должны вернуть, / Умирая, в лучшем виде <...> В самом деле хороша, / Бесконечно старомодна, / Тучка, ласточка, душа! / Я привязан, ты – свободна». [24. С. 5]; «Не спрашиваю, где теперь душа? / Но где теперь твой острый слух и зреньё? / Нырять стрижу. Но нет без них стрижа. / Ни белых крон, кипящих в отдаленье. / Кому отдал хрусталик чудный свой, / В коробочку его замкнул какую? /

Как если бы пришел к себе домой, / Свет не зажег, разделся, лег вслепую. / А тонкий слух улиткой был завит. / И так любовно льнуло осязанье / К поверхностям... Души не жаль! Томит / Совсем не с ней, а с миром расставанье» [12. С. 30].

Если Гераклит утверждает, что души умирают и возрождаются, Сократ говорит о переселении, а Платон – о блаженной жизни в обители соименной звезды, то Аристотель – о бессмертии поэтической, творческой души. А. Кушнер продолжает традицию Аристотеля: умирает тело, но душа лирического героя – поэта – бессмертна («Ты, душа, энтелехия, как говорил / Не Платон, а строптивый его ученик, / Ты устала, потратив так много чернил, / Столько строк сочинив, повлияв на язык / Поэтический, только! — в обиду не дав, / Как дитя, на растление семье воровской, / Не покинув его, но держа за рукав, / Да не вырвется, не соблазнится тоской / Трехкопеечной, помня и в черные дни / О еще не разгаданном нами родстве, / Но счастливом, лишь руку во тьме протяни, / Со звездой в облаках и дыханьем в листве») [22. С. 24].

Таким образом, отдельная душа в поэзии А. Кушнера бессмертна, разумна, ей принадлежат эмоции. При этом если лирический герой А. Кушнера вслед за Сократом допускает переселение, то только не творческой, поэтической души, уникальной, вечно существующей в космическом пространстве.

Отдельные души составляют душу мировую, равную богу, логосу, судьбе, фатуму. «Судьба» в философском учении стоиков – это необходимость, по которой все происходит в мире, целесообразность мира, целевой план и целевое начало, действующее в мире [18. С. 337]. Противостоять ей бессмысленно, поэтому стоик мужественно и с достоинством повинует судьбе и, более того, любит ее. Мотив трудной жизни и одновременно принятие ее таковой один из важнейших в художественном мире А. Кушнера: «Все жизнью жесткою живем, как жечь, простой, / Без завитков и украшений» [12. С. 7]; «Жизнь трудная, крутая, но другой – нету. / Какая есть, такую и любить будем» [12. С. 8]; «Жизнь – это радость, при том что без горя и слез / Жизнь не обходится, к смерти склоняясь и мраку» [13. С. 11]), отсюда возникает и мотив терпения: «Опять на улице мороз, / И скрип подошв, и скрип колес, / И голых веточек скрипенье. / И жизнь поскрипывает так, / Что я твержу себе: «Терпенье!» / А если под вечер: «Приляг...» / Терпенье!» [23. С. 38].

Лирический герой А. Кушнера повинует собственной судьбе, смиренно принимая свое время и место: «Времена не выбирают, В них живут и умирают...» [15. С. 24]; «Как я люблю тебя, город во мраке» [11. С. 15]; «Но мне повезло – я родился в России, такой, / Сякой, возмутительной, сладко не жившей ни дня» [19. С. 29]; «Я в этом городе провел всю жизнь свою, / Не променял его на выгоды и климат» [13. С. 17]; «Затем, что есть любовь и есть такая связь / И есть понятие: единственное место» [13. С. 17]; «С тобой, со мной, с продрогшим садом / Случится мягкая зима. / Окинешь город долгим взглядом: / Какие черные дома! / Блестит фонарь заиндевелый, / И пешеход во мгле дневной, / На миг сойдя с панели белой, / Идет по черной мостовой. / Ты тоже, хмурый и унылый, / Наставив ворот, смотришь вниз. / Не привередничай, мой милый! / Побойся бога, оглянись! / Полузаметен и неяркий, / Как бы увиденный сквозь сон, / Таится город, как подарок, / Что неспроста преподнесен. / Тяжелый снег почти что льется, / Пар вылетает изо рта, / И болью

в сердце отдается / Сырая эта красота» [27. С. 101]; «Закрою глаза и увижу / Тот город, в котором живу, / Какую-то дальнюю крышу / И солнце, и вид на Неву. / В каком-то печальном прозреньи / Увижу свой день роковой. / Предсмертное боли хрипенье / И блеск облаков над Невой. / О, Боже, как нужно бессмертье, / Не ради любви и усад, / А ради того, чтобы ветер / Дул в спину и гнал наугад. / Любое стерпеть унижение / Не больно, любую хулу / За легкое это движенье / С замахом полы за полу, / За вечно наставленный ворот, / За вечную невскую прыть, / За этот единственный город, / Где можно и в горе прожить» [27. С. 115].

Таким образом, глубокое внутреннее противоречие пронизывает как стоическое учение, так и лирику А. Кушнера: мотив всеобщей обреченности порождает пассивность человека, превращая безнадежность в торжество над обстоятельствами благодаря идеалу мужественной красоты. Ср.: Марк Аврелий: «Я счастлив потому, что, хотя это и случилось со мной, я все же не предаюсь печали, не сломлен настоящим, не трепещу перед грядущим... Разве случившееся мешает тебе быть справедливым, великодушным, благоразумным, рассудительным, осторожным в суждениях, правдивым, скромным, откровенным...» [16. С. 295]; А. Кушнер: «...лучше снег, / Нет, лучше белый снег, летящий на дорогу. / Нет, лучше тучами закрытое на треть, / Снежком слепящее, туманы и метели. / Нет лучшей участи, чем в Риме умереть. / Мы не умрем с тобой: мы лучшей не хотели» [14. С. 11]; «Кто нам сказал, что мир у ног / Лежит в слезах, на всё согласен? / Он равнодушен и жесток. / Зато воистину прекрасен» [28. С. 53].

Это возвышенный трагизм стоиков, утверждающих существование гармонии добра и зла в мире, которые зависят от человека и выбираются им добровольно: «Потому и трагична, что в ней, / Кроме смерти и горя, / Есть и хищный узор скатертей, / И дыхание моря» [29. С. 63]; «Да, этот мир жесток и суров, — / Все же в нем место нашлось для стихов. / Значит, тем более, есть в нем ходы / Для справедливости и доброты» [28. С. 107]; «Если камешки на две кучки спорных / Мы разложим, по разному их цвету, / Белых больше окажется, чем черных. / Марциал, унывать нам смысла нету» [15. С. 119]; «Что шума деревьев просторней и шире? / Лишь моря накат вдоль дорожных обочин. / Наверное, не уменьшается в мире / Количество зла — и процент его точен / И вечен, иначе бы лопнуло что-то, / Нарушился принцип и ось надломилась, / Но кроны — вне сметы, и волны — без счета, / И в этом — великая радость и милость! / Иль думаешь, гений, которого в прошлом / Природа, любя себя, поместила, / Провел свою жизнь меж постыдным и пошлым, / А ты опоздал — и тебе пофартило? / Ни зло не минует, ни счастье не минет, / Умрем — равновесие это продлится, / О, только бы вниз по полыни, по глине, / По щебню — к шумящему морю спуститься!» [14. С. 53].

Человеку предоставлена свобода выбора: философ проявляет непоколебимую стойкость при всех случаях угрожающих ему бедствий и крушений, всегда стремится к добродетели только через добродетель и к избавлению от скорби только через истину, перед человеком открыты бесконечные пути совершенствования, так что в результате настойчивого стремления к добру добро непременно одержит победу над злом [18. С. 368].

Единственная возможность свободы открывается в эмоциональном отношении к миру, так как можно преобразовать только свое эмоционально-ценностное отношение к вещам и ходу событий [17. С. 278]: «И если время складывает зверя, / Давай с тобой, в другой рисунок веря, / На месте лапы выложим крыло! / Пускай страшилой, пугалом, уродом, / Новейший миф наметив мимоходом, / Плеща крылом, себе мешает зло» [15. С. 16]; «У природы, заступницы всех, / Камни есть и есть облака, / Как детей, любя и этих и тех, / Тяжела – как те, как эти – легка. / Заморозить ей осенний поток – / Как лицом уткнувшись в стенку лежать. / Посадить ей мотылька на цветок – / Как рукой махнуть, плечами пожать. / Ей саму себя иначе не снести! / Упадет под страшной ношей, мой друг. / Но на каждый камень облако есть – / Я подумал, озираясь вокруг. / И еще подумал: как легка суть / Одуванчиков, ласточек, трав! / Лучше в горькую дудочку дуть, / Чем доказывать всем, что ты прав. / Лучше веточку зажать в губах, / Чем подыскивать точный ответ. / В нашей жизни, печалях, словах / Этой легкости – вот чего нет!» [27. С. 105]; «Но зато какая радость – / Незвестность, вероятность, / Жизни грубая кора, / Вся ее шероховатость, / Непредвиденность добра! / Кто сказал, что тих и робок / Мир, бушующий бок о бок / С нами, в тучах и дыму? / Он для зла не держит скобок / И прекрасен потому! / Невской дельты спуск покатый... / От любви не ждать пощады / И в глаза беде смотреть. / Влажной полон сад прохлады, / И – не страшно умереть» [29. С. 6]; «Жить чудно, накладно, убыточно, дивно, печально» [12. С. 13]; «Все равно эта жизнь и в конце хороша, / И в долгах, и в слезах, потому что свежа! / И послушная рифма, / Выбегая на зов, и легка, как душа, / И точна, точно цифра» [22. С. 11].

По своей природе человек слаб и беспомощен, только истинный мудрец не знает никаких бурь [18. С. 367]. Однако лирический герой А. Кушнера – поэт – не причисляет себя к мудрецам, а значит, терпеливо переносит тяготы земной жизни: «Пробыв со мной полдня наедине, / Увез он в сердце чудную ошибку: / Приветливость, не свойственную мне, / Запомнил он и легкую улыбку. / Я в памяти его машу рукой, / Безоблачный, плечами пожимаю, / А я стою над ледяной рекой / И, как мне дальше жить, – не понимаю. / Я все ему – в небесном пиджаке, / В подтянутом своем великолепье, / А я снежок сжимаю в кулаке, / И нет меня несчастней и нелепей. / На пальцах стынет острая вода, / Разжав ладонь, разглядываю руку... / Но вспоминаю друга иногда / И сквозь метели улыбаюсь другу» [23. С. 30].

В этом позиция лирического героя А. Кушнера тождественна позиции Цицерона, влияние которого лирический герой испытывает на себе («А еще читаю Цицерона! / И к Монтеню-всаднику на грудь / Припадаю, дабы отвлеченно / Он меня утешил как-нибудь» [20. С. 59]).

В сочинениях Цицерона излагаются основные положения современных ему философских школ, пользовавшихся наибольшей популярностью, – стоиков, эпикурейцев. В занятиях философией Цицерон ищет душевного покоя и жизненной мудрости. Он стремится к самосовершенствованию и непрестанно воспитывает себя: слабый и нерешительный, он хочет стать сильным и мужественным, переносить печали и боль [30. С. 320]. По Цицерону, поэзия является благородным и высоким искусством, оно облагораживает человека, смягчает нравы и доставляет наслаждение. «Прочие занятия не сопутствуют

нам во всякое время, при любом возрасте, во всяком месте, а эти занятия юношество питают, в старости доставляют удовольствие, украшают благоприятные дела, в горе доставляют убежище и утешение, радуют дома, не мешают вне дома, проводят с нами ночь, путешествуют с нами, сопровождают нас в деревню» [30. С. 321].

По Кушнеру, поэзия призвана отогреть человеческое сердце, растопить окружающий лед, это память о том, какой бывает жизнь в лучшие свои минуты, накопитель счастья, хранитель энергии, которую поэт вкладывает в свои стихи, а читатель получает спустя много лет из стихотворных строк. Поэзия избавляет от боли не только читателя, но и поэта, создающего стихи. В самые тяжелые периоды жизни поэт создает стихотворения, в которых воспевают земные радости, счастье, гармонию, строй, в них находит выражение душа поэта: «Я видел подлость и беду. / Но стих прекрасно так устроен, / Что вот – я весел и спокоен, / Как будто я в большом саду. / Черты случайные сотру, / Свою внимательность утрю. / Чему стихи нас учат? Строю. / Точнее – стройности. Добру. / Они, средь шумной полумглы, / Блестящим кажутся прибором / Высокой точности, с которым / Сверяют дали и углы. / Не будем шага прибавлять / И закрывать лицо руками. / Не лучше ль зорко за ветвями / Просвет далекий различать? / И знать, что зло – как сон дурной, / Добро ж подсказано всем ходом / Стиха, размером, хороводом / Дубов, стоящих за спиной» [27. С. 5]; «Хотите знать, где мир прекрасен и высок, / Тенист и солнечен? В стихи их загляните: / В них море плещется и, вдавленный в песок, / Триэры жесткий след мерцает, как на Крите» [15. С. 107]; «Ад, – я жил в нем, я бедствовал в нем, / И обедал, и ужинал, черным / Пожираем незримым огнем, / Но поэзия огнеупорным / Оставалась занятием, в огне / Говорила о счастье, вводила / В заблужденье, мирволила мне, / Ублажала и благоволила» [31. С. 125].

Размышляя о трагической истории и судьбе своей страны, А. Кушнер говорит обо всей России: «Читая шинельную оду / О свойствах огромной страны, / Меняющей быт и погоду / Раз сто до китайской стены, / Представил я реки, речушки, / Пустыни и Берингов лед – / Все то, что зовется: от Кушки / До Карских студеных Ворот. / Как много от слова до слова / Пространства, тоски и судьбы! / Как ветра и снега от Львова / До Обской холодной губы. / Так вот что стоит за плечами / И дышит с тобой заодно, / Когда ледяными ночами / Не спится и смотришь в окно. / Большая удача – родиться / В такой беспримерной стране. / Воистину есть чем гордиться, / Вперяясь в просторы в окне. / Но силы нужны и отвага / Сидеть под таким сквозняком! / И вся-то защита – бумага / Да лампа над тесным столом» [24. С. 88]; «Снег подлетает к ночному окну, / Вьюга дымит. / Как мы с тобой угадали страну, / Где нам родиться! / Вьюжная. Ватная. Снежная вся. / Давит на плечи. / Но и представить другую нельзя / Шубу, полегче. / Гоголь из Рима нам пишет письмо, / Как виноватый. / Бритвой почтовое смотрит клеймо / Продолговатой. / Но и представить другое нельзя / Поле, поуже. / Доблести, подлости, горе, семья, / Зимы и дружбы. / И англичанин, что к нам заходил, / Строгий, как выппел, / Не понимал ничего, говорил / Глупости, выпив. / Как на дитя, мы тогда на него / С грустью смотрели. / И доставали плеча твоего / Крылья метели» [29. С. 12].

Вместе с тем пространство, к которому принадлежит лирический герой А. Кушнера, четко обозначено – это не вся Россия, а Петербург, или Ленинград («Я бы в Томске томился, / В Туруханске струхнул») [32], вводятся символы Петербурга / Ленинграда: «Город и все его двадцать дымящихся рек» [14. С. 14]; «Скоро останется колышек шпилья от нас» [14. С. 14]. Заснеженные просторы Петербурга (Ленинграда) противопоставляются солнечным античным, однако при этом отличное от пространства Древнего Рима по климату пространство Петербурга имеет с ним исторические, событийные пересечения («Нас не затопит, но, видимо, нас заметет: / Всё Геркуланум с Помпеей приходят на ум») [14. С. 14]. Так концепция повторяемости времен не нарушается. Отличия только климатические, заснеженное пространство противопоставляется солнечному душному римскому топосу, однако события тождественны: поэт моделирует условную ситуацию погружения города в снег, вспоминая подобное происшествие в древности (извержение вулкана Везувий): «Царственно-важный, парадный, большой снегопад», «Скоро останется колышек шпилья от нас, / Чтобы Мюнхаузен, едущий издалека, / К острому шпилью коня привязал еще раз» [14. С. 14].

Событийное тождество подтверждают и судьба поэта, отношения поэта и власти. Для Кушнера расширение поэтических тем, противостояние стереотипам, отказ от метафизических исканий, введение в поэзию простых вещей, прославляющих будничную земную жизнь, привело к недовольству власти («Ты перечтешь меня за этот угол зренья. / Все дело в ракурсе, а он и вправду нов» [28. С. 26]).

В стихотворении «В реальности нельзя – в романе можно...» (1991) [11. С. 66]) представлена условная ситуация душевного общения римского поэта, Катутла, с правителем, Цезарем, осознавшим ценность, уникальность частной жизни, проявившим сочувствие к отдельному человеку, увидевшим красоту окружающего мира. В уста Цезаря вложены слова об уникальности личной, негосударственной жизни отдельного человека («Как сладок пир с веселыми друзьями» [11. С. 66]), признание красоты и вечности природы, которая по сравнению с человеком бессмертна («Какие звезды колют сквозь ресницы», «Как кроток Тибр в час утренний» [11. С. 66]). Цезарь осознает важность поэзии, запечатлевающей будничную жизнь простого человека. Однако этот монолог и ситуация разговора по душам с властью условна, что подчеркивается в строках «Не плед, а плащ, не стулом, а банкеткой: / Скамьей, софой, неважно чем – сиденьем!» [11. С. 66]. Здесь Цезарь – власть, дающая право на существование негосударственной поэзии, обосновывающая ее важность и первостепенность для отдельного человека.

По Кушнеру, в поэзии нет мелких и крупных тем, в мире нет вещей, не заслуживающих внимания, любовного к себе отношения. Все, что связано с будничной, счастливой и трагической жизнью человека, получает признание, имеет ценность, значение («Вода в графине – чудо из чудес...» [23. С. 88]; «Скатерть, радость, благодать!..» [24. С. 108]; «Тарелку мыл под быстрою струей / И все отмыть с нее хотел цветочек...» [12. С. 60]; «В рифму просится все, даже пасмурный лист ольхи» [11. С. 18]).

Эпикуреизм, в отличие от стоицизма, вмещает в доблесть незаметный, «скрывающийся» образ жизни, избегание государства и видной обществен-

ной деятельности [17. С. 359]. Однако подобную позицию занимает и стоик Луций Анней Сенека, читающий Эпикура («Сегодня вот на что натолкнулся я у Эпикура (ведь я частенько перехожу в чужой стан, не как перебежчик, а как лазутчик)» [33. С. 6]): «...не поступай подобно тем, кто желает не усовершенствоваться, а только быть на виду, и не делай так, чтобы в одежде твоей или в образе жизни что-нибудь бросалось в глаза» [33. С. 10], а также Марк Аврелий: «Тот, кто мечтает о посмертной славе, упускает из виду, что каждый, помнящий о нем, сам скоро умрет, за ним последует и тот, кто унаследовал ему, и так до тех пор, пока не угаснет вся память, пройдя поколения помнивших и обреченных. Но допусти, что бессмертны помнящие о тебе и неистребима память. Что тебе до этого? Я не говорю уже, что это – ничто для умершего. Но что до похвалы живому, кроме разве имущественных выгод? Оставь же теперь заблаговременно заботы об этом суетном даре, зависящем только от людской молвы» [16. С. 290]; «Вглядишься в образ мыслей честолюбцев, каков он и каково то, к чему они стремятся и чего избегают. На берегу морском один слой песка наносится на другой и скрывает его под собой. Точно так же и в жизни: бывшее раньше очень быстро исчезает под тем, что наступает вслед за ним» [16. С. 318].

А. Кушнер также выступает против ангажированной поэзии и не приемлет славы, стремится провести жизнь в тени, незаметно («Где никто не найдет: ни приятель лукаво / Усмехающийся, ни недоброжелатель, / Ни слепая, на ощупь бредущая слава / С запоздалой улыбкой и счетом к оплате» [34. С. 83]; «Живому кажется, что если будет славен / По смерти в мыслях он, беседах и речах, / То и утешится, своих стихов хозяин, / Своих ноктюрнов царь: не сгинул, не зачах, / Своих теорий Кант, своих походов Цезарь. / Но с пышных в сумерках вернувшись похорон, / Ты видишь: он теперь не гений и не бездарь, / Лишился допуска к своим заслугам он. / Не слышит музыки, стихов своих не может / Прочесть, и галльская зачем ему война? / Не знает камешек, куда его положит / Рука, и дереву скамейка не нужна, / И в этом кроется какая-то загадка, / И что-то чудное в пропаже этой есть. / Молчи, мелодия! Не докучай, тетрадка! / Прощайте, подвиги! И долг, и дар, и честь» [13. С. 82].

По Кушнеру, не славу, а коллективное бессмертие обретает поэт, входя в круг настоящих поэтов: «Умереть – это стать современником всех, / Кроме тех, кто пока еще живы» [29. С. 61]; жизнь поэта продолжается в его поэзии: «Ни тенью, ни звездой, ни ветра дуновеньем / Быть не хочу! / Ни тенью, ни звездой – вернусь стихотвореньем, / которое шепчу. / В стихах вторая жизнь насколько лучше первой, / свободней и звучней!» [29. С. 21]; «Бессмертие – это когда за столом разговор / О ком-то заводят, и строчкой его дорожат, / И жалость лелеют, и жаркий шевелят позор, / И ложечкой чайной притушенный ад ворошат. / Из пепла вставай, перепачканный в саже, служи / Примером, все письма и все дневники раскрывай. / Так вот она, слава, земное бессмертье души, / Заставленный рюмками, скатертный, вышитый рай. / Не помнят, на сколько застегнут ты пуговиц был, / На пять из шести? Так расстегивай с дрожью все шесть. / А ежели что-то с трудом кое-как позабыл – / Напомнят, – на то документы архивные есть. / Как бабочка, ты на приветный огонь залетел. / Синеют ли губы на страшном нестрашном суде? / Затем ли

писал по утрам и того ли хотел? / Не лучше ли тем, кто в ночной растворен темноте?» [14. С. 90].

Отсюда стоическое бесстрашие лирического героя перед смертью: «Я к ночным облакам за окном присмотрюсь, / Отодвинув тяжёлую штору. / Был я счастлив – и смерти боялся. Боюсь / И сейчас, но не так, как в ту пору. / Умереть – это значит шуметь на ветру / Вместе с клёном, глядящим понуро. / Умереть – это значит попасть ко двору / То ли Ричарда, то ли Артура. / Умереть – расколоть самый твёрдый орех, / Все причины узнать и мотивы. / Умереть – это стать современником всех, / Кроме тех, кто пока ещё живы» [29. С. 61]; «Ватикана создатель всех лучше сказал: «Пустяки, / Если жизнь нам так нравится, смерть нам понравится тоже, / Как изделие того же ваятеля»... Ветер с реки / Залетает, и воздух покрылся гусиною кожей. / Растрепались кусты... Я представил, что нас провели / В мастерскую, где дивную мы увидели скульптуру. / Но не хуже и та, что стоит под брезентом вдали / И еще не готова... Апрельского утра фактуру, / Блеск его и зернистость нам, может быть, дали затем, / Чтобы мастеру мы и во всём остальном доверяли. / Эта стать, эта мощь, этот низко надвинутый шлем... / Ах, наверное, будет не хуже в конце, чем в начале» [12. С. 29].

Лирический герой А. Кушнера предпочитает не только жить в тиши и уединении, будь то дача или маленькая городская квартира, комната поэта («Надеваешь на даче похуже брюки» [34. С. 11], «Десять метров мирного житья» [23. С. 20]), но и довольствоваться малым, вернее – самым необходимым. Ср.: Луций Анней Сенека «Нравственные письма к Луцилию»: «Ты спросишь, каков предел богатства? Низший – иметь необходимое, высший – иметь столько, сколько с тебя довольно» [33. С. 7]; А. Кушнер: «Мне нужен стол, и стул, и полка книг в углу. / Еще, наверное, прожить без телефона / Мне трудно было бы» [12. С. 7].

Так, обладая сходным мироощущением с римскими стоиками, А. Кушнер мыслит себя ближе к римской эпохе («Теперь какой-нибудь Филипп Аравитянин / Мне ближе, может быть, чем мальчик во дворе») [14. С. 35], ставит себя в один ряд с поэтами прошлого, но при этом не считает себя им равным: «Трудно выразить общеизвестное» – этот стих / Взял Гораций, как камень, пристроил к себе на плечи <...> / Я хотел бы помочь ему, да на дорожке тесно. / – Отойди, – говорит, – не мелькай, – помогай другим, / Поднимающим то, что легко: что не всем известно» [19. С. 63]. При этом философия стоиков берет свое начало в учении греческих мыслителей, поэтому в поэзии А. Кушнера находят воплощение учения Гераклита Эфесского, Эмпедокла, Сократа, Платона, Аристотеля. Однако именно философия поздних римских стоиков, испытавшая на себе влияние учения Эпикура, наиболее близка мировоззрению поэта А. Кушнера.

Таким образом, концепция повторяемости времен и сходное с римскими стоиками мироощущение А. Кушнера обусловили обращение к Античности и наследию римских авторов. Образ мира поэта обнаруживает корни в философии поздних римских стоиков, т.е. античный претекст выполняет в его поэзии миромоделирующую функцию, позволяет конструировать модель реального мира и эстетическую реальность, развивать такую важную тему, как

судьба поэта и его поэзии, раскрывать суть таких категорий, как «слава», «бессмертие», «смерть», «душа».

Литература

1. Мирошникова О.В. «Времена не выбирают...» (современный антологизм и поэтическая традиция). URL: http://www.univer.omsk.su/trudy/fil_ezh/n2/mirosh.html, свободный.
2. Кушнер А. Римский узор // Новый берег. 2006. № 12. URL: <http://magazines.russ.ru>
3. Кушнер А. «С Гомером долго ты беседовал один...» // Звезда. 2001. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2001/3/kush.html>
4. Вольтская Т. 75-летие Александра Кушнера. URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/24322961.html>
5. Арьев А. Маленькие тайны, или Явление Александра Кушнера // Наказание временем. М., 1992.
6. Машевский А. Полнота высказывания // Новый мир. 2000. № 11. URL: <http://magazines.russ.ru>, свободный.
7. Дубиан Л. Комментарий к кустарнику // Новый мир. 2003. №6. С. 187–193.
8. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: в 2 т. Т. 1: 1953–1968. М.: Изд. центр «Академия», 2003.
9. Рыбальченко Т.Л. А. Кушнер – читатель А. Пушкина // Пушкин и время. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. С. 248–266.
10. Кушнер А.С. Избранное. М.: Время, 2005.
11. Кушнер А. Ночная музыка. Л.: Лениздат, 1991.
12. Кушнер А. Дневные сны. Л.: Лениздат, 1986.
13. Кушнер А. Облака выбирают анапест. М.: Мир энциклопедий Аванта+: Астрель, 2008.
14. Кушнер А. Таврический сад. М.; Л.: Сов. писатель, 1984.
15. Кушнер А. Голос. М.; Л.: Сов. писатель, 1978.
16. Сапов В. Римские стойки. М.: Республика, 1995.
17. Богомолов А.С. Античная философия. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985.
18. Асмус В.Ф. Античная философия. М.: Высш. шк., 2005.
19. Кушнер А. Тысячелистник. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1998.
20. Кушнер А. Кустарник. СПб.: Пушкинский фонд, 2002.
21. Кушнер А. В закатном свете // Арион. 2006. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/arion/2006/1/ku2-pr.html>
22. Кушнер А. На сумрачной звезде. СПб.: Акрополь, 1994.
23. Кушнер А. Первое впечатление. М.; Л.: Сов. писатель, 1962.
24. Кушнер А. Приметы. Л.: Сов. писатель, 1969.
25. Кушнер А. На вашей стороне // Знамя. 2006. № 1. <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/1/ku3.html>
26. Кушнер А. Стихи // Звезда. 2011. № 9. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2011/9/ku2.html>
27. Кушнер А. Ночной дозор. М.; Л.: Сов. писатель, 1966.
28. Кушнер А. Прямая речь. Л.: Лениздат, 1975.
29. Кушнер А. Письмо. Л.: Сов. писатель, 1974.
30. Чистякова Н.А., Вулих Н.В. История античной литературы. М.: Высш. шк., 1972.
31. Кушнер А. Живая изгородь. Л.: Сов. писатель, 1988.
32. Кушнер А. Стихи // Нева. 2010. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2010/4/ku2.html>
33. Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцилию. Кемерово, 1986.
34. Кушнер А. Летучая гряда. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 2000.

FUNCTIONS OF THE ANTIQUE PRE-TEXT IN THE LYRICS BY A. KUSHNER.

Tomsk State University Journal of Philology, 2014, 2 (28), pp. 126–141. DOI 10.17223/19986645/28/11
 Sukhanova Sofya Yu., Tsypliyova Polina A., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
 E-mail: suhanova_sofya@mail.ru / anilopa87@mail.ru

Keywords: A. Kushner, reception, intertext, antique literature, Russian poetry.

The article studies the role of the antique pre-text in the lyrics by A. Kushner. In his poetry and essays Kushner interprets the creativity and life ways of a wide range of predecessors. The lyrical texts of the poet are full of names of the Greek and Roman writers (Homer, Alcaeus, Euripides, Catullus, Ovid, Horace, Petronius, Virgil, Pliny, Martial, Plautus, Tacitus, Juvenal). Kushner refers to the writings of Tacitus, Suetonius, Pliny's letters, and poems of Catullus as his favorite books. In his interviews and essays when reflecting on the tragic nature of life he mentions the names of Seneca and Marcus Aurelius. His appeal to the works of ancient authors, active use of allusions and reminiscences associated with the Antiquity in the lyrics by Kushner allow understanding the reasons for the poet's appeal to the Antiquity.

The aim of the paper is to identify the reasons for the inclusion of the Antiquity in the artistic world of Kushner's poetry and define the functions of the antique pre-text in his lyrics.

In Kushner's conception, a feature of historical time is repeatable events: all empires have similar stages of development: their flourishing inevitably ends in decline and decay. Time lapse between the past and the present as well as the integrity, completeness, and maturity of the Antiquity, noninvolvement in the era described allow the poet to completely and objectively analyze the social, historical, political, and cultural events that are identical to the events of today. The Antiquity with a completed full cycle of development is a means to conceptualize the modernity, fluid and changeable.

In Kushner's artistic conception of the world there are no strict time boundaries between the past and the present, people of the past and the poet's contemporaries (including the lyrical hero) exist in one art space simultaneously and communicate through poetry.

When writing Kushner is cautious of his predecessors as they assess his work. The present and the past co-exist in his art picture of the world. The dialogue of the poets of the past and the present continues in the field of poetic texts. Thus the times meet to create vertical time where all the times communicate in poetry.

The concept of repeated times and Kushner's attitude similar to the Roman Stoics conditioned the appeal to the Antiquity and the heritage of Roman authors. The poet's image of the world is rooted in the philosophy of the late Roman Stoics, i.e. the antique pre-text performs the world modeling function in his poetry and allows constructing a model of the real world and the aesthetic reality, developing such an important topic as the fate of the poet and his poetry, revealing the essence of such categories as "glory", "immortality", "death", and "soul".

References

1. Miroshnikova O.V. *"Vremena ne vybirayut..." (sovremennyy antologizm i poeticheskaya traditsiya)* ["One cannot choose times" (modern anthologism and the poetic tradition)]. Available at http://www.univer.omsk.su/trudy/fil_ezh/n2/miroshnikova, svobodnyy.
2. Kushner A. Rimskiy Uzor [The Roman pattern]. *Novyy bereg*, 2006, no. 12. Available at: <http://magazines.russ.ru>.
3. Kushner A. S Gomerom dolgo ty besedoval odin [You have alone talked to Homer long]. *Zvezda*, 2001, no. 3. Available at: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2001/3/kush.html>.
4. Voltskaya T. 75-letie Aleksandra Kushnera [The 75th anniversary of Alexander Kushner]. Available at: <http://www.svoboda.org/content/transcript/24322961.html>.
5. Ar'ev A. *Nakazanie vremenem* [Punishment by time]. Moscow, ROU Publ., 1992.
6. Mashevskiy A. Polnota vyskazyvaniya [Completeness of a statement]. *Novy mir*, 2000, no. 11. Available at: <http://magazines.russ.ru>.
7. Dubshan L. Kommentariy k kustarniku [Comment to the bush]. *Novy mir*, 2003, no. 6, pp. 187-193.
8. Leyderman N.L., Lipovetskiy M.N. *Sovremennaya russkaya literatura: 1950–1990-e gody* [Modern Russian literature: 1950-1990s]. In 2 vols. Moscow, Izdatel'skiy tsentr Akademiiya Publ., 2003. Vol. 1: 1953–1968.
9. Rybalchenko T.L. [A. Kushner – a reader of Pushkin]. *Pushkin i vremya* [Pushkin and time]. Tomsk, Izd-vo Tom. Un-ta Publ., 2010, pp. 248-266.
10. Kushner A.S. *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow, Vremya Publ., 2005.
11. Kushner A. *Nochnaya muzyka* [Night Music]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1991.
12. Kushner A. *Dnevnye sny* [Day Dreams]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1986.
13. Kushner A. *Oblaka vybirayut anapest* [Clouds choosing anapaest]. Moscow, Mir entsiklopediy Avanta + Publ., Astrel' Publ., 2008.

14. Kushner A. *Tavricheskiy sad* [Tavrichesky Garden]. Moscow, Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1984.
15. Kushner A. *Golos* [The Voice]. Moscow, Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1978.
16. Sapov V. *Rimskie stoiki* [The Roman Stoics]. Moscow, Respublika Publ., 1995.
17. Bogomolov A.S. *Antichnaya filosofiya* [Ancient philosophy]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta Publ., 1985.
18. Asmus V.F. *Antichnaya filosofiya* [Ancient philosophy]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2005.
19. Kushner A. *Tysyachelistnik* [The Milfoil]. Russko-Baltiyskiy informatsionnyy tsentr BLITs Publ., 1998.
20. Kushner A. *Kustarnik* [Bushes]. St. Petersburg, Pushkinskiy fond Publ., 2002.
21. Kushner A. V zakatnom svete [In the sunset light]. *Arion*, 2006, no. 1. Available at: <http://magazines.russ.ru/arion/2006/1/ku2-pr.html>.
22. Kushner A. *Na sumrachnoy zvezde* [On the Dark Star]. St. Petersburg, Akropol' Publ., 1994.
23. Kushner A. *Pervoe vpechatlenie* [The First Impression]. Moscow, Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1962.
24. Kushner A. *Primety* [Omens]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1969.
25. Kushner A. Na vashey storone. Stikhi [On your side. Poetry]. *Znamya*, 2006, no. 1. Available at: <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/1/ku3.html>.
26. Kushner A. Stikhi [Poetry]. *Zvezda*, 2011, no. 9. Available at: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2011/9/ku2.html>.
27. Kushner A. *Nochnoy dozor* [The Night Watch]. Moscow, Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1966.
28. Kushner A. *Pryamaya rech'* [The Direct Speech]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1975.
29. Kushner A. *Pis'mo* [The Writing]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1974.
30. Chistyakova N.A., Vulikh N.V. *Istoriya antichnoy literatury* [The history of ancient literature]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1972.
31. Kushner A. *Zhivaya izgorod'* [The Fence Hedge]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1988.
32. Kushner A. Stikhi [Poetry]. *Neva*, 2010, 4. Available at: <http://magazines.russ.ru/neva/2010/4/ku2.html>.
33. Seneka L.A. *Nravstvennye pis'ma k Lutsiliyu* [Moral letters to Lucillo]. Kemerovo, 1986.
34. Kushner A. *Letuchaya gryada* [Bank of Clouds]. Russko-Baltiyskiy informatsionnyy tsentr BLITs Publ., 2000.